

Мэн Цяньшаню так и не удалось сегодня успешно организовать переезд господина Хо.

После того как хозяин заметил, что с наложником что-то не так, и дважды окликнул его, не получив ответа, Мэн Цяньшань во весь дух помчался за лекарем.

Оставшийся в комнате Цзян Суйчжоу приказал слугам перевезти Хо Уцзю во внутренние покои и помочь ему лечь на кровать.

У Хо Уцзю, казалось, был сильный жар. Хотя он всё еще сидел прямо, его реакции заметно замедлились.

За исключением тех моментов, когда кто-то пытался его коснуться.

Как только слуга потянулся к его ногам, Хо Уцзю рефлекторно вскинул руку, преграждая путь.

Слуга замер в недоумении. Хо Уцзю, не поднимая глаз, произнес хриплым голосом:

— Я сам.

Тон был спокойным, но не терпящим возражений. Слуга испуганно взглянул на Цзян Суйчжоу, ожидая прямого приказа принца, но тот не смотрел на него — его взгляд был прикован к Хо Уцзю.

Генерал, не обращая внимания на окружающих, уперся руками в подлокотники. Движения его были привычными, но было заметно, что силы на исходе: он действовал медленно, через силу.

Медленно подтянувшись, он перебрался на кровать.

Оказавшись на постели, он не лег, а лишь слегка отклонился назад, опершись спиной о прикроватный столб.

Он всё еще сидел очень ровно.

Хо Уцзю не произнес ни слова, но в каждом его движении сквозила врожденная гордость.

Взгляд Цзян Суйчжоу застыл. В памяти невольно всплыл образ Хо Уцзю из исторических хроник.

Сын Дибэй-хоу (маркиз) империи Цзин, рожденный в Яньгуане. В шесть лет он освоил верховую езду и стрельбу из лука, в десять — добыл на охоте свирепого тигра. В двадцатый год эры Цзянье, когда ему было тринадцать, его отец, доведенный императором Цзин Лин-ди до отчаяния, поднял восстание. В двадцать третий год Цзянье, в битве при Сюньяне, отец погиб, а дядя, продолживший дело, оказался в окружении вражеских войск.

Именно он, Хо Уцзю, подхватил знамя среди хаоса отступающих войск, прорвал кольцо и спас дядю. Победив числом меньшим, он прославился в одном бою и с тех пор стал опорой армии Лян, превратившись в её верховного главнокомандующего.

До самого своего пленения он не проиграл ни одной битвы. Его натиск был неудержим: всего за четыре года он ворвался в Ечэн, вытеснив последнего императора Цзин за Янцзы, после чего империи Лян и Цзин стали править, разделенные рекой.

Каким же блистательным, удалым молодым генералом он был! Даже сухие кисти официальных историографов не могли скрыть легендарный блеск его личности.

Это был герой, которого Цзян Суйчжоу изучал бесчисленное количество раз сквозь тысячелетнюю мглу и пожелтевшие страницы документов.

Такой человек обязан быть гордым.

Цзян Суйчжоу внезапно понял, почему последний император приказал перебить Хо Уцзю ноги.

Похоже, это был единственный способ заставить его склониться.

Погрузившись в свои мысли, Цзян Суйчжоу не заметил, что слишком долго и пристально смотрит на Хо Уцзю. Он также не осознал, что даже в полубессознательном состоянии от жара генерал остро почувствовал этот взгляд. Слегка нахмурившись, Хо Уцзю посмотрел на него в ответ.

Когда Цзян Суйчжоу пришел в себя, взгляд Хо Уцзю был уже откровенно недобрым.

В этом взгляде читался немой вопрос: «Почему ты еще не провалился?»

Цзян Суйчжоу: «...»

Крохи сочувствия, возникшие в его душе, мгновенно испарились.

Он поспешно отвел глаза, пытаясь скрыть неловкость, и с напускной холодностью встал. Одной рукой запахнув накидку, он подошел к кровати и свысока посмотрел на Хо Уцзю.

— Почему лекарь до сих пор не пришел? — ледяным тоном спросил он слуг.

Служанки и слуги, знавшие скверный нрав Ван-е, не смели пикнуть. В комнате воцарилась тишина.

Лишь сам Цзян Суйчжоу знал, что он просто смутился под взглядом Хо Уцзю и теперь спешно «напускает туману», стараясь сохранить лицо.

Он покосился на генерала, но тот уже опустил веки, больше не глядя на него.

...Даже больной, он остается в высшей степени неприятным типом.

К счастью, в этот момент, запыхавшись, прибежал Мэн Цяньшань с лекарем.

Снова лекарь Чжоу.

Прибежав с аптечкой, Чжоу первым делом увидел принца, который с суровым лицом стоял у кровати, будто вел безмолвную дуэль с Хо Уцзю.

Заметив лекаря, Ван-е слегка повернул голову, и его холодные глаза впились в прибывшего.

Трусоватый лекарь Чжоу тут же склонил голову, не смея поднять глаз.

— Подойди, осмотри его, — услышал он властный приказ. — Не хватало еще, чтобы он сдох в моем поместье.

Голос был удивительно красив — надменный и неспешный, но с едва уловимой хрипотцой и одышкой, выдававшей слабое здоровье и нехватку жизненных сил.

Лекарь поспешно отозвался и шагнул вперед. Он как раз успел заметить, как Хо Уцзю на мгновение приподнял веки и окинул Ван-е странным, неопределенным взглядом. Тот хотел было отвернуться, но что-то будто зацепило его внимание, и он снова посмотрел на принца.

Лекарь Чжоу хотел присмотреться, но внезапно наткнулся на полный мрачной злобы и холода взгляд Хо Уцзю. Пленник заметил слежку.

Хотя его глаза были затуманены лихорадкой и бессилием, лекарь всё равно вздрогнул. Он поспешно опустил взор, подошел к постели и, открыв аптечку, почтительно приступил к осмотру.

Цзян Суйчжоу вернулся на свое место.

Мэн Цяньшань привычно подлил ему свежего горячего чаю и осторожно спросил:

— Где Ван-е изволит почивать сегодня ночью?

Судя по виду господина Хо, сегодня он определенно не сможет прислуживать принцу в спальне. К тому же у него жар, а Ван-е слаб здоровьем — не дай бог заразится, что тогда делать?

Цзян Суйчжоу смотрел на лекаря и какое-то время молчал. Мэн Цяньшань, видя, что ответа не будет, затих рядом.

Спустя некоторое время лекарь Чжоу обернулся и пал на колени перед принцем.

— Ван-е, недуг господина Хо вызван сильным жаром из-за воспаления ран... — поспешно заговорил он. — Господин очень терпелив, жар держится уже долго. Раны крайне тяжелые, если медлить дальше, это может стоить ему жизни!

Цзян Суйчжоу нахмурился:

— Настолько серьезно?

Лекарь кивнул:

— Я немедленно отправлюсь готовить отвар и замену повязки. Если вовремя сбить жар, серьезной опасности не будет.

Цзян Суйчжоу кивнул:

— Пусть отвар готовит Мэн Цяньшань, а ты меняй повязки прямо сейчас.

Лекарь Чжоу поспешил исполнить приказ.

Цзян Суйчжоу подпер рукой щеку и повернулся к Хо Уцзю. Тот хоть и продолжал сидеть, но, видимо, уже окончательно впал в забытие. Глаза, которые до этого метали молнии в каждого встречного, теперь были плотно закрыты.

Лекарь осторожно снимал старые бинты. Кровь пропитала ткань, и та намертво присохла к плоти. Как бы аккуратно лекарь ни старался, при каждом движении раны тревожились.

Глаза Хо Уцзю оставались закрытыми, но брови были мучительно сдвинуты. Он плотно сжал губы, подавляя стоны даже в бреду. Лишь по дрожи его межбровья можно было понять — ему

невыносимо больно.

Цзян Суйчжоу вдруг вспомнил одну деталь из своей жизни.

Когда он был маленьким и жил в доме отца, один из братьев — он даже не знал, от какой мачехи — столкнул его с лестницы. Тогда он сильно подвернул лодыжку. Его мать в те дни была сама не своя, постоянно плакала, и он не посмел ей рассказать. Он весь вечер терпел боль в своей комнате, хромя.

Одинокое противостояние боли было изнуряющим, никакие книги не могли отвлечь его.

Но для Хо Уцзю, казалось, это стало привычкой, впитавшейся в самую плоть.

Взгляд Цзян Суйчжоу невольно задержался на его теле. Вся кожа была в переплетениях шрамов — свежих, окровавленных и очень глубоких.

«Как же это должно быть больно...»

Он сидел молча, наблюдая, как лекарь очищает раны, накладывает новые повязки и помогает Хо Уцзю лечь.

Лекарь вернулся к принцу и доложил:

— Ван-е, перевязка окончена. Теперь нужно лишь давать господину лекарство и прикладывать холодные полотенца для охлаждения. Как только жар спадет, всё наладится.

Цзян Суйчжоу кивнул и жестом велел приступать. Лекарь подготовил полотенце и положил его на лоб Хо Уцзю.

Вскоре вернулся Мэн Цяньшань с отваром. Передав лекарство врачу, он подошел к принцу и, склонившись, спросил:

— Ван-е, уже поздно. Может, вернетесь в зал Аньинь отдохнуть?

Заметив, что принц смотрит на Хо Уцзю, он добавил:

— Если Ван-е беспокоится, я оставлю здесь побольше людей присматривать за ним.

Цзян Суйчжоу помедлил. Он понимал, что Хо Уцзю вряд ли умрет от лихорадки, и беспокоиться особо не о чем.

Но он невольно подумал о «настоящем» Хо Уцзю из оригинальной истории.

Тогда ведь никто не менял ему повязки и не давал лекарств. Он просто боролся в одиночку, вырывая свою жизнь из рук смерти день за днем, ночь за ночью.

Зная, каково это — терпеть болезнь в одиночестве, Цзян Суйчжоу вдруг расхотелось уходить.

— Найди мне какую-нибудь книгу, — негромко сказал он.

Мэн Цяньшань опешил. Язык у него был без костей, и он ляпнул:

— Неужели Ван-е не уйдет?..

Цзян Суйчжоу поднял на него взгляд, и остаток фразы застрял у евнуха в горле. Мэн Цяньшань лишь закивал и поспешил искать книгу.

Хо Уцзю очнулся глубокой ночью.

Медленно открыв глаза, он почувствовал что-то на лбу. Вскинув руку, он сорвал этот предмет — им оказалось мокрое холодное полотенце.

Он нахмурился.

Кажется, жар начался еще днем. В этом не было ничего удивительного: на поле боя он получал столько ран, что несколько приступов лихорадки были привычным делом — стоило лишь поспать, и всё проходило.

Вечером вроде бы заходил принц Цзин... Хо Уцзю не успел понять, что тому нужно, как провалился в забытие.

Хо Уцзю поднял руку и коснулся своего лба. Он был прохладным.

Его сознание сейчас было кристально чистым, но само ощущение казалось крайне нереальным. Он был военнопленным, захваченным вражеским государством, инструментом, присланным в поместье принца Цзина для его унижения. Но сейчас он спокойно лежал на мягкой постели, его раны были обработаны и очищены, на лбу лежало прохладное полотенце, а в воздухе разливался тонкий аромат лекарств.

Этот запах был горьким, но приносил странное чувство умиротворения и покоя.

Хо Уцзю вырос на границе; он был человеком закаленным, привыкшим к ударам судьбы, и за всю свою жизнь о нем еще никогда так не заботились.

Он повернул голову. И увидел в тусклом свете ламп сидящего человека.

Тот спал, придерживая одной рукой свиток книги на коленях, а другой подпирая голову. Его длинные ресницы скрывали глаза, которые обычно смотрели холодно и надменно. Свет лампы падал на его лицо, окутывая мягким, нежным сиянием.

Хо Уцзю отчетливо осознал: этот человек охранял его сон.

Дыхание генерала невольно замерло.

<http://bllate.org/book/16965/1578268>